

К ВОПРОСУ О ТЕМЕ "ДВОЙНИЧЕСТВА" В
ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ И ФОЛЬКЛОРЕ

В.В. Лепяхин

Общепринятого, установившегося мнения о сущности темы двойничества, ее содержания и ее границах пока в литературоведении не существует. Одни авторы расширяют эту тему настолько, что она растворяется в других, теряя свою специфику, другие ее сужают, ограничивая либо социальным, либо психологическим критериями, третьи исследуют лишь частные случаи ее отражения в литературе.

В работе В. Шкловского о Достоевском есть глава "Двойники и о "Двойнике", где двойничество трактуется как прием, как "различного рода параллели, повторы, пересказы", как "закон сопоставления", и, естественно, этот закон оказывается "настолько широк, что его применения можно проследить почти в любом произведении".¹ Двойниками, по мнению В. Шкловского, являются, например, хозяин и его слуга /Дон Кихот и Санчо Панса/, все братья Карамазовы /а не только Иван и Черт, как это чаще всего понимается/, разбойники Шиллера из одноименной драмы. В качестве иллюстрации приводится также Евангелие, хотя "двойники" Христа /их с учетом апокрифов более пятидесяти/ возникли не в результате единого авторского замысла, а по причине механического объединения произведений разных авторов, руководствовавшихся неодинаковыми идейными соображениями. Такое расширенное толкование темы, сведение ее к приему, делает ее обнаружимой, пусть и с натяжками, но действительно в любом произведении, и не дает возможности

¹ В. Шкловский: Двойники и о "Двойнике". В кн. В. Шкловский, Собрание сочинений в трех томах. М., 1974, т. 3, стр. 186.

выявления специфики двойничества в ряду сходных тем и мотивов.

В книге "Смеховой мир" Древней Руси" Д.С. Лихачев связывает начало темы двойничества в русской литературе с "Повестью о Фоме и Ереме" и "Повестью о Горе-Злосчастии". Двойничество трактуется в тесной связи с темой "судьбы, роковой предопределенности жизни, преследования человека роком". Следует только отметить, обращает внимание другой автор, что "горе, которое "довело молодца во иноческий чин", не природенная "злая доля" героя: оно привязывается к нему как наказание, кара за похвальбу и за то, что он "родителей своих ... учения не слушает".²

В теме двойничества Д.С. Лихачевым выделяются первоначальный смеховой /Повесть о Фоме и Ереме/ и более поздний трагический /Повесть о Горе-Злосчастии/ варианты или "аспекты"; последний при этом увязывается с творчеством Гоголя, Достоевского, Андрея Белого³. Принимая это положение, хотелось бы отметить, что тема двойничества разрабатывалась в древнерусской литературе под влиянием и в тесной взаимосвязи с фольклором. Учет отражения темы двойничества в фольклоре способен значительно обогатить наши представления о ее вариантах, связывать же ее лишь с судьбой или роком или спецификой "смеховой культуры" значило бы суживать ее проявления. Но решение темы именно в этом ключе возможно и имеет самые древние корни. Например, исследователь древних мифологий Е.М. Мелетинский отмечает в большинстве из

² А.А. Назаревский: Повесть о Горе-Злосчастии. "Труды отдела древнерусской литературы", т. XXIV, М.-Л., 1969, стр.204.

³ Д.С. Лихачев. А.М. Панченко: "Смеховой мир" Древней Руси. Л., 1976, стр. 52.

них наличие у культурного героя демонического или комического двойника ⁴.

Определение темы двойничества затрудняется и неоднозначностью понятий, вкладываемых в сами слова "двойничество" и "двойник". Во-первых, двойник – это человек, который имеет полное или почти полное сходство с другим; во-вторых, это двойной или сдвоенный предмет. По отношению к человеку в литературе это находит свое отражение в образе крайне противоречивого героя, персонажа, основной чертой которого является двойственность характера, которая может проявляться в самых разных формах. Но кроме этих двух толкований, которые даются словарями Ожегова и Ушакова, Словарь церковно-славянского и русского языка, а также словарь Даля приводят еще одно значение слова, которое сохранилось за ним в языке, но выпало из поля зрения современных лексикографов: двойник – человек, представляющийся в одно время в разных лицах /"Двойник" Достоевского, "Нос" Гоголя/.

Таким образом, у слова двойник имеется три различных толкования. Опираясь на некоторые произведения древнерусской литературы, фольклора и отдельные произведения писателей XIX века и учитывая различные толкования термина-омонима "двойничество", попытаемся выделить несколько типов его и хотя бы приблизительно очертить, таким образом, границы темы. Этих типов, на наш взгляд, три: двойничество, возникающее по типу 1/у-двоения, 2/ с-двоения, 3/ раз-двоения. Наиболее древним, видимо, следует

⁴ Е.М. Мелетинский: Поэтика мифа. М., 1976, стр. 188-189, 193 и др.

считать тип у-двоения. Он образуется путем придания персонажу двойника, что характерно уже для многих мифологий и эпосов.

Тип "у-двоения" может характеризоваться различными способами образования двойничества. 1/ Двойничество, основанное на воплощении в персонифицированном образе двойника различного рода суеверных и мистических представлений. Например, герой и преследующий его как наказание рок /добрый молодец и Горе-Злосчастие/, а также герой и "нечистая" или "крестная" силы, которые предопределяют его судьбу, выступают карающей или охраняющей силой /ангел-хранитель/, что особенно характерно для фольклора. 2/ Двойничество, основанное на пародировании действия и слов главного героя /например, в народных пьесах XVI-XVII веков "Барин и Афонька", "Мнимый барин" и др. Этот тип двойничества тесно связан с законом контраста, характерным для смеховых драматических произведений. Например, оксюморонное столкновение представлений может быть реализовано как в реплике одного персонажа, так и в репликах разных персонажей, занимающих половины оксюморона⁵. 3/ Двойничество, основанное на противопоставлении персонажей, являющихся воплощением различных нравственных понятий, в частности, добра и зла, связанных с ними удачливости и невезения, силы и слабости, красоты и уродства /например, в фольклоре сопоставлены или противопоставлены два или иногда один старший брат умный и младший дурак, умная красивая падчерица и злая некрасивая дочь/.

Двойничество по типу "с-двоения" носит принципиально

⁵ А.Ф. Некрылова: Закон контраста в поэтике театра "Петрушка". "Русский фольклор", т. XIV, Л., 1974, стр. 217-218.

иной характер. Речь идет о совмещении в одном персонаже признаков различных существ и последовательной смене этих признаков, не приводящей, однако, к раздвоению персонажа. Можно привести такие примеры этого двойничества. 1/ Двойничество, как следствие надевания маски. Наиболее характерный пример – дурак в сказке и в народном театре. Д.С. Лихачев пишет по этому поводу: "Что такое древнерусский дурак? Это часто человек очень умный, но делающий то, что не положено, нарушающий обычай, приличие, принятое поведение, обнажающий себя и мир от всех церемониальных форм, показывающий свою наготу и наготу мира, – разоблачитель и разоблачающийся одновременно" ⁶. Таким образом, нередко глупость дурака является маской, маской тем более хитрой и не сразу распознаваемой, что рядом с дураком в фольклоре действует и его аналог без маски, который чаще фигурирует под названием "дурень" ⁷. 2/ Двойничество как оборотничество, когда герой может являться попеременно то животным, то человеком. Этот прием может использоваться для подчеркивания выдающихся качеств героя /сказка "Иван Быкович"/, изображаться как наказание герою /сказка "Царевна-лягушка"/, может надеваться как маска для проверки определенных качеств другого персонажа /сказка "Перышко Финиста ясна сокола"/. Сюда же можно отнести и балладу на общеславянский сюжет о дочке-пташке, выданной замуж на чужую сторону, которая, "скинувшись кукушечкой", прилетает в "батьшкин сад". Судьба баллады связана с утратой ее основной черты – ме-

⁶ Д.С. Лихачев, А.М. Панченко: Указ. соч., стр. 19.

⁷ См. например, "Про дурня". "Сборник Кирши Даниловой". М., 1977, стр. 202-207 или сказку "Набитый дурак". "Народные русские сказки. Из сборника А.Н. Афанасьева". М., 1977, стр. 294-295.

таморфозы дочери в птичку⁸. 3/ Двойничество, основанное на мотиве "Перемена пола" /по международной классификации/ или "Девушка-юноша". Это двойничество связано с переодеванием девушки в воина, монаха, студента, иногда заканчивающееся, например, по причине проклятия, действительной переменой пола⁹. В русском фольклоре наиболее яркий образ на эту тему Василиса Микулишна из былины "Про Ставра-боярина", одевающаяся татарским послом для спасения мужа и с честью выходящая из всех состязаний с мужчинами¹⁰.

Также особняком в этом типе двойничества стоит песня "Кто Травника не слышал", в которой двойничество предстает как одновременное параллельное изображение героя и как человека, и как птицы¹¹. Особенность этого произведения именно в неделимости героя на составляющих его человека и птицу. Как известно, тотемные мифы являются общим этапом в развитии большинства древнейших представлений о мире. При этом, как отмечает Е.М. Мелетинский, "тотемные предки предстают как существа с двойной зооантропоморфной природой"¹². Эта неделимость зооантропоморфного двойника в песне, возможно, является отголоском тех древних

⁸ И.И. Земцовский: Баллада о дочке-пташке. "Русский фольклор", т. VIII, М.-Л., 1963, стр. 144, 147.

⁹ Юлиан Кржижановский: Девушка-юноша. /К истории мотива "Перемена пола"/. "Русский фольклор", т. VIII, М.-Л., 1963, стр. 56.

¹⁰ Сборник Кирши Данилова, стр. 71-76.

¹¹ Там же, стр. 219-220.

¹² Е.М. Мелетинский: Указ. соч., стр. 178-179.

времен, также, как например, по мнению некоторых ученых, мотив выдачи замуж на чужую сторону в упоминавшейся балладе о дочке-пташке связан с древнейшим обычаем экзогамного брака.

Наконец, двойничество третьего типа, основанное на раздвоении персонажа. Оно может выражаться также разными способами. 1/ Двойничество, вызванное противопоставлением в сознании героя идеала и действительности, оно очень часто связано с мотивом сумасшествия героя /В. Одоевский: "Сильфида"/. 2/ Двойничество по линии хороших и дурных, имеющих и желаемых черт характера /Достоевский: "Двойник"/. 3/ Двойничество, связанное с персонификацией прошлой жизни, со столкновением новых и старых представлений о жизни и о себе /Достоевский. Иван и Черт в "Братьях Карамазовых", А. Блок: "Двойник"¹³,^x

Такого рода двойничество, психологическое, основанное на раздвоении личности персонажа, отсутствует в древнерусской литературе и фольклоре. И это естественно, так как средневековые представления о человеке основаны на психологической цельности его, на его неделимости.

К раздвоению персонажа не приводит даже отражение в нем религиозно-церковных представлений о противоречивости человеческой природы. В человеке соединены два начала: божественное и дьявольское, которые проявляются в борьбе духа и плоти, добра и зла и т.д. Но хотя это противоречие и имманентно присуще

¹³ Д. Максимов: Об одном стихотворении /"Двойник"/; в кн. Д. Максимов: Поэзия и проза Ал. Блока. Л., 1975, стр. 144-175.

^x Все многообразие мотивов внутри этого типа /как и двух предыдущих/ не исчерпывается, конечно, данными наиболее характерными примерами. В составленном автором списке писателей так или иначе разрабатываемых тему двойничества только в XIX - начале XX века значится более сорока имен. Очевидно, что учет всех вариаций на темы с-двоения и у-двоения в древнерусской литературе требует специальной работы.

человеку, в каждый данный момент им владеет какое-либо одно начало: хороший поступок совершает человек - литература трактует это как проявление божественного начала, плохой поступок - влияние "дьявольского соблазна". Это одна сторона трактовки древнерусской литературой христианского понимания человека с точки зрения его двойничества. Другая - состоит в том, что борьба ведется внутри человека, но не им самим, а двумя объективированными его сознанием силами, она порождена не его личностью, а навязана ему свыше, извне. Человек в этом смысле - марионетка, он - поле сражения, он играет преимущественно пассивную роль, он может только помочь одной из двух борющихся в нем сил, но часто даже и этого сделать не в силах. Произведения, основанные на подобном представлении о противоречивости человеческой природы, нельзя отнести к типу раз-двоения. Это один из наиболее ярких примеров с-двоения, т.е. объединение в одном персонаже двух противоположных начал и их последовательная смена. На этом принципе в древнерусской литературе построены некоторые рассказы "Киевско-Печерского патерика".

Древнерусская литература создала лишь предпосылки психологической трактовки темы двойничества, которая нашла свое законченное выражение в русской литературе XIX века. При этом писатели XIX века используют и отдельные приемы трактовки темы двойничества и сами типы, характерные для древнерусской литературы, делают попытки синтеза всех типов. Писатель сначала сдваивает в личности персонажа противоположные духовные ценности. У персонажа, таким образом, появляется внутренний двойник, который живет внутри него не персонифицируясь. Затем двойничество персонажа может смениться его у-двоением, т.е. персонификацией части

сознания. Но, конечно, и у-двоение, и с-двоение в этом случае носит принципиально иной характер, чем в древнерусской литературе, т.к. двойник персонажа не навязывается ему извне, а является порождением его собственного сознания, что значительно расширяет сюжетные, художественные, идейные, особенно трагедийные и комические возможности разработки темы.

Принципиальные различия, существующие между различными типами двойничества, все же не мешают хотя бы приблизительно очертить границы, в пределах которых можно говорить о теме двойничества в художественной литературе и древнерусской литературе в частности. Главное, видимо, состоит в том, что о теме двойничества можно говорить лишь тогда, когда на ее основе формируется вся художественная структура произведения /или одной именно той его части, которая построена на двойничестве/, его идея, сюжет и даже жанр. Столкновение, борьба, постоянное трагическое или смеховое /иногда их синтез/, взаимодействие персонажа и его двойника /внешнего или внутреннего/ является стержнем, вокруг которого вращается все действие произведения. При такой трактовке темы двойничества Санчо Панса может рассматриваться двойником Дон Кихота лишь в формальном отношении при понимании двойничества, как приема, как "закона сопоставления", но собственно о теме двойничества в этом романе можно говорить в другом плане: как о внутреннем двойничестве Дон Кихота, одновременно безумца и мудреца. Такое определение темы двойничества, конечно, не может представляться окончательным, оно лишь дает некоторые критерии, не позволяющие теме раствориться в других и вместе с тем не позволяющие свести ее к какому-либо однозначно-

му пониманию, к частному случаю.

Особое место среди произведений древнерусской литературы, в которых нашла отражения тема двойничества, занимает "Повесть о Фоме и Ереме". Интересна она прежде всего генезисом темы по типу у-двоения. Д.С. Лихачев характеризует героев следующим образом: "Каждый из этих двойников совершает одно и то же, но действия их описаны в разных словах, они только чуть разнятся именно в "приметах", чуть различаются по внешнему выражению, но не по смыслу, который каждый раз один и тот же представляет собой "смеховой возврат" к самому себе" ¹⁴.

Фома является языковой тенью Еремы. Эта языковая тень создается за счет широкого использования оттеночных и экспрессивных синонимов:

У Еремы деревня, у Фомы село...
 На Ереме зипун, на Фоме кафтан.
 На Ереме шапка, на Фоме колпак...
 Ерема в мошну, Фома в калиту,
 У Еремы в мошне пусто, у Фомы ничего...
 Ерема кричит, Фома верещит...
 Ерему сыскали, Фому нашли... И т.п.

В тех случаях, когда синонимы подобрать трудно или они не существуют, используются другие приемы /они, кстати, единичны и почти все далее перечислены/ для создания семантического параллелизма: а/ называются одноименные предметы для действия:

У Еремы были гусли, у Фомы орган.
 Ерема за зайцы, Фома за лисицы.
 Ерема ушел в рожь, а Фома в ячмень...
 Ерема ушел, а Фома убежал... И т.п.

¹⁴ Д.С. Лихачев, А.М. Панченко: Указ. соч., стр. 51.

б/ называется часть и целое или целое и часть:

У Еремы клеть, у Фомы изба...
Ерема вошел в церковь, Фома в алтарь... и т.п.

в/ называются параллельные предметы:

Ерема встал на крылос, Фома на другой ¹⁵.

Здесь интересна прежде всего разработка формальной стороны темы. Для древнерусской литературы и фольклора характерно использование художественных повторов, художественных параллелизмов, построение "стилистической симметрии" /Д.С. Лихачев/. Все эти художественные приемы, стилистические фигуры в формальном отношении основаны на удвоении языковой характеристики. Например, в "Азбуке о голом и небогатом человеке", где уже в самом названии двойной эпитет подчеркивает бедность человека, можно встретить следующие семантические построения: "Аз есмь голоден и холоден, и наг и бос...", "... а хожу я не етчи, спать ложуся не кушавши...", "Ферязи были у меня самые добрые рогозные, а завяски мочалные..." ¹⁶. В фольклоре такие построения встречаются также очень часто, например, в причитаниях:

Ох-ти, мнешенько-тошнешенько,
Все прошло, все миновалось...
Хоть на мне красна красота,
Но не пристала не приладилась,
Не по-старому, не по-прежнему...

¹⁵ Русская демократическая сатира XVII века. М., 1977, стр. 34,35,36.

¹⁶ Там же, стр. 26,29.

Также в народных песнях:

Охотнички рыщут, черна бобра ищут,
Хотят бобра бить, хотят застрелить... 17

В "Росписи о приданом" можно встретить строчки, как будто заимствованные из "Повести о Фоме и Ереме":

Жена в стол, а муж под стол,
Жена не ела, а муж не обедал 18.

Подобные примеры можно умножать без конца. Характерно, что такие семантические или синонимичные близнецы легко разваиваются на составляющие части и персонифицируются в подражание "Повести о Фоме и Ереме": Фома наг, Ерема бос; Фома не етчи, Ерема не кушавши; Фома по-старому, Ерема по-прежнему; Фома ищет, Ерема рыщет и т.д. Таким образом, стилистическая фигура, основанная на семантическом удвоении, легко разваивается на составляющие части, каждая из которых легко персонифицируется.

Персонификация элементов языковой практики как художественный прием не редкость в древнерусской литературе. Например, персонифицируется Горе-Злосчастье в известной повести:

И в тот час у быстры реки
Скоча Горе из-за камени:
босо, наго, нет на Горе ни ниточки,
еще лычком Горе подпоясано... 19

¹⁷ Русское народное поэтическое творчество. М., 1969, стр.115, 116,299.

¹⁸ Русская демократическая сатира XVII века, стр. 98.

¹⁹ Демократическая поэзия XVII века. М.-Л., 1962, стр. 38.

Неожиданно для читателя недуг жены купца Терентима персонифицируется в ее любовника:

...А недуг-ат непутем в окошко скочил,
 Чуть головы не сломил,
 На корачках ползает,
 Едва от окна отполз.
 Он оставил, недужишша,
 Кафтан хрущатой камки,
 Камзол баберековой,
 А и денег пять сот рублей ²⁰.

Можно также назвать персонифицированные образы Судьбы, Правды и Кривды, Лиха Одноглазого в сказках. Особенно следует подчеркнуть персонификацию, выросшую на основе реализации буквально трактуемого сравнения в песне "Кто Травника не слышал". В фольклоре нашли широкое использование сравнения человека с животными: зверь-человек, как медведь, голоден как волк, труслив как заяц, поет как соловей, не раз в фольклоре отражалась извечная человеческая мечта о птичьих крыльях и т.п. В песне проведена двуединая персонификация, удвоение образа в одном лице: человек как птица, человек-птица, человек-кулик, что возможно, как уже отмечалось, уходит своими корнями в тотемные представления наших предков. Приключения, которые происходят с героем, плавно переходят из приключений птицы в приключения, которые могут случиться только с человеком.

Нам представляется, что двойничество в "Повести" обязано своим существованием персонификации подобной стилистической фигуры. Процесс шел не от образа к языковым средствам, к язы-

²⁰ Сборник Кириши Данилова, стр. 19.

ковому воплощению, а наоборот, от языковой практики, от устойчивых языковых форм к их персонификации и образованию двойничества. Это косвенно может подтвердить тот факт, что у "Повести", как ни у какой другой, много вариантов, в которых расширяется круг эпитетов братьев, дополняются их приключения, что связано с легкостью игры синонимами. В Казанской губернии, например, герои фигурируют даже под другими именами - Лаврушка и Кузьма ²¹. В "Сборнике Кирши Данилова" в нескольких произведениях встречаются Спира и Сема. Хотя текстологических переключек с Фомой и Еремой у них нет, но образный характер этих пар имеет некоторые общие черты:

А Спира стал поспиривать,
Сема стал пересемывать ²².

Эти приемы указывают на формальный, а не содержательный характер трактовки двойничества героев, во всяком случае не преобладание первого над вторым. В генезисе же темы формальный момент преобладает безусловно, возникая как следствие реализации определенной, широко распространенной стилистической фигуры. В содержательном отношении двойники в "Повести" не имеют самостоятельности, они идентичны, в формальном же отношении они необходимы лишь как способ усиления воздействия на читателя или слушателя используемых языковых средств, для подчеркивания специфики этих средств.

²¹ Русская демократическая сатира, стр. 187.

²² Сборник Кирши Данилова, стр. 393-394.

Таким образом, как особый путь образования двойников по типу у-двоения можно выделить персонификацию составляющих частей какой-либо стилистической двусложной фигуры - в данном случае, синонимического повтора.